

Кромѣ непосредственнаго значенія изложеннаго историческаго памятника въ дѣлѣ улучшенія тюремной части въ Россіи — записка Магницкаго и дѣло, ею возбужденное, нѣсколько обрисовываютъ положеніе нашего законодательства въ царствованіе Александра I; въ ней еще разъ выразилась настоятельная потребность въ Россіи въ изданіи общаго кодекса, потребность, которая прекрасно сознавалась въ теченіе дѣлаго столѣтія и тѣмъ не менѣе оставалась безъ удовлетворенія до изданія Свода Законовъ въ царствованіе Николая I.

Кіевъ.

Сообщ. съ примѣч. Д. Г. Тальбергъ.

ЧУМА ВЪ ОДЕССѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXIV, стр. 575—579, помѣщена замѣтка «Чума въ Одессѣ въ 1837 г.». Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о томъ-же предметѣ.

Мы уже видѣли, какія энергическія мѣры были приняты новороссійскимъ генераль-губернаторомъ графомъ Воронцовымъ для борьбы съ чумою въ Одессѣ въ 1837 г. Кромѣ этихъ мѣръ, можно еще упомянуть о слѣдующихъ. Для устраненія возможности опаснаго соприкосновенія между жителями зачумленнаго города были закрыты различныя мѣста общественныхъ собраній, какъ-то: церкви, театры, судебныя мѣста и училища. Въ почтовой конторѣ и полиціи всѣ бумаги принимались не иначе, какъ послѣ окуриванія. Городъ былъ окруженъ двойнымъ кордономъ. Часовые, разставленные весьма близко одинъ отъ другаго, повѣрялись особеннымъ обходомъ; ночью же они должны были перекликаться между собою. Они были обязаны задерживать желавшихъ пробраться черезъ цѣпь, и, въ случаѣ необходимости, могли стрѣлять или утроблять въ дѣло штыкъ.

Чтобы обезпечить продовольствіе жителей города, устроены были особенные базары, обнесенные двойною оградою. Эти базары были открыты для торговли только до 2-хъ часовъ. По прекращеніи торговли, площади тщательно выметались. Надзоръ за ними былъ порученъ особеннымъ довѣреннымъ лицамъ. О помощи нуждающимся должна была заботиться продовольственная коммисія, состоявшая изъ городского головы и четырехъ членовъ. Для бѣдныхъ былъ устроенъ сборъ пожертвованій, которыя раздавались имъ въ видѣ денегъ, съѣстныхъ припасовъ, одежды и топлива. Для дряхлыхъ и больныхъ былъ устроенъ особенный «домъ прибрѣжища».

Ежедневно, съ 11 часовъ утра, подъ предсѣдательствомъ графа Воронцова, въ биржевой залѣ происходили совѣщательныя собранія. Рѣшенія полагались по возможности быстро и изустно. Генераль-гу-

бернаторомъ дозволено было каждому желающему безпрепятственно сообщать свои мысли и предложенія относительно мѣръ противъ болѣзни.

Церкви были закрыты послѣ другихъ мѣстъ общественнаго собранія. Графъ Воронцовъ долго колебался касательно приведенія этой мѣры въ исполненіе, опасаясь вызвать неудовольствіе среди жителей города. Но опасенія относительно заразы, слышавшіяся со стороны духовенства, прекратили это колебаніе, и церкви были закрыты. Для совершенія необходимыхъ церковныхъ обрядовъ, при Преображенскомъ соборѣ была устроена подвижная церковь, куда желающіе могли обращаться съ просьбою о совершеніи той или другой церковной требы, предварительно извѣстивши о томъ особаго комиссара.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ прекращеніе чумы въ Одессѣ. 23-го февраля 1838 г. было роздано жителямъ Одессы воззваніе генераль-губернатора о прекращеніи заразы. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого замѣчательнаго воззванія:

— «Жители города Одессы! Когда я посѣщилъ къ вамъ въ концѣ прошедшаго октября мѣсяца, по первому извѣстію о вкравшейся въ городъ заразы, то въ первомъ къ вамъ воззваніи я выразилъ свою увѣренность, что, съ помощію всѣхъ сословій здѣшнихъ жителей и при мѣрахъ, намъ всѣмъ по опыту извѣстныхъ, мы остановимъ и потомъ искоренимъ постигшее насъ бѣдствіе. Вы сдѣлали все, что отъ васъ зависѣло; вы во всемъ помогали начальству, и Богъ благословилъ успѣхъ вашъ и установленныхъ здѣсь властей. Спустя шесть недѣль послѣ перваго моего къ вамъ воззванія, зараза въ нашемъ многолюдномъ и богатомъ городѣ прекращена. Всѣхъ жертвъ постигшаго насъ бѣдствія, какъ вѣрныхъ, такъ и сомнительныхъ, было 108 душъ. Изъ числа зачумленныхъ 17 выздоровѣли, и 8 изъ нихъ уже вошли въ городъ и живутъ между нами». «Жители города Одессы! Всѣ наши общія старанія не могли однакожь достигнуть желаемой цѣли безъ помощи Божіей. Рука Всевышняго поддержала и спасла насъ. Поспѣшимъ же принести Господу Богу теплыя наши молитвы. Завтра, по распоряженію почтеннаго архипастыря нашего, преосвященнаго Гавріила, будутъ совершены благодарственныя молебствія во всѣхъ церквахъ города и на обѣихъ заставахъ, на мѣстахъ теперешнихъ базаровъ; тамъ въ первый разъ сойдутся и будутъ молиться единому Богу и жители города, и войска, которыя снаружи, во все время бѣдствія, строгимъ оцѣпленіемъ охраняли весь край отъ опасности. Въ соборѣ, вмѣстѣ съ нами, вознесутъ теплыя молитвы ко Всевышнему о избавленіи своемъ и тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые поражены были чумою и, благодаря Бога, выздоровѣли отъ нея. По исполненіи сего перваго, священнаго долга, мнѣ остается другой,

драгоценный для сердца моего: объявить предъ государемъ, истиннымъ отцомъ нашимъ и всѣхъ русскихъ, что мы обязаны спасеніемъ нашимъ и предохраненіемъ прочихъ частей нашей имперіи отъ внесенія заразы, какъ единодушному порыву всѣхъ жителей города Одессы, помогавшихъ во всемъ начальству и исполнявшихъ всѣ его требованія, такъ и личному каждому изъ васъ стремленію къ возстановленію общественнаго благосостоянія» («Сѣверн. Пчела» 1838 г., № 54).

24-го февраля, 1838 г., въ 11 часовъ утра, все духовенство Одессы, крестнымъ ходомъ, съ иконами и хоругвями, собралось въ Покровской церкви, гдѣ, 27-го октября, обнаружился первый чумный случай изъ бывшихъ въ городѣ. Въ то же время прибыли туда архіепископъ Гавріилъ, генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ, одесскій военный губернаторъ графъ Толстой, всѣ военныя и гражданскія власти, почетное купечество и множество городскихъ жителей. Ближайшія улицы были покрыты несмѣтными толпами народа. Послѣ освященія воды и окропленія ею присутствовавшихъ, былъ совершенъ крестный ходъ въ Преображенскій соборъ, для благодарственнаго молебствія. По окончаніи церковнаго торжества, въ квартирѣ генераль-губернатора собрались почетнѣйшія лица, при чемъ городскимъ головою была сказана привѣтственная рѣчь хозяину дома, много потрудившемуся для прекращенія заразы въ городѣ. Жители города, толпясь на улицахъ, поздравляли другъ друга съ избавленіемъ отъ угрожавшаго бѣдствія.

Главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ прекращенію заразы въ Одессѣ, государь благодарилъ различными наградами. Графъ Воронцовъ получилъ рескриптъ, одесскій карантинный штабъ-лекаръ Черниковъ—пожизненный пенсіонъ въ 1,000 руб., комиссаръ Воронецъ—орденъ Станислава 4-й ст., комиссаръ фонъ-Мирбахъ—1,000 руб., священникъ Преображенскаго собора Сомбарскій—пожизненный пенсіонъ въ 500 руб. Мортусы: Шереметьевъ—золотую медаль, Ефремовъ—серебряную. Мортусы изъ арестантовъ Чумаченко, Былинскій и Грубый были освобождены изъ арестантской роты. Серебряною медалью была награждена и одна женщина, рижская мѣщанка Юлія Фрей. Было много и другихъ награжденныхъ лицъ.

О чумѣ, бывшей въ Одессѣ, даны были подробныя свѣдѣнія въ замѣчательной книгѣ доктора Э. Андреевскаго: «О чумѣ, постигшей Одессу въ 1837 г. Историческій взглядъ на ходъ заразы и медицинскія надъ нею наблюденія. Non cede malis sed contra audacter ito. Virg. Одесса. 1838 г.». Нѣсколько отрывковъ изъ нея было напечатано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и изъ него перепечатано въ другихъ газетахъ. Авторъ ея былъ дивизионный докторъ, состоявшій

при графѣ Воронцовѣ. Книга была написана съ полнымъ знаніемъ дѣла и большою полнотою. Сочиненіе было раздѣлено на пять отдѣловъ: въ первомъ былъ изложенъ историческій взглядъ на ходъ болѣзни; во второмъ въ видѣ дерева были изображены ходъ и развитіе чумной эпидеміи изъ одесской карантинной гавани по городу и его предмѣстьямъ; въ третьемъ помѣщенъ списокъ чиновниковъ и горожанъ, занимавшихъ временно разныя должности по случаю оцѣпленія Одессы въ 1837 г.; въ четвертомъ содержались медицинскія наблюденія, въ пятомъ были помѣщены метеорологическія наблюденія, сдѣланныя во время чумы докторомъ Проутомъ по превосходнымъ инструментамъ графа Воронцова. По объясненіямъ, приложеннымъ къ дереву, можно получить полное и ясное понятіе о началѣ, постепенномъ распространеніи и уничтоженіи эпидеміи. Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщено много наблюденій и открытій, касавшихся болѣзни. Рецензія объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи была помѣщена въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1838 г., стр. 953. Въ ней, между прочимъ, всѣмъ карантиннымъ докторамъ совѣтовалось не только читать, но и изучать названное сочиненіе, которое теперь едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ продажѣ.

г. Динабургъ.

С. Веснянъ.

Галичь на Днѣстрѣ.

Ковчилось Венгерская кампанія. Я служилъ полковымъ адъютантомъ Камчатскаго полка. Нашъ корпусъ шелъ изъ-подъ Дебречина на зимовья квартиры въ Галицію. Штабъ-квартирой нашего полка назначался городъ Рогатинъ. Изъ Альзо-Верецке, селенія въ Карпатахъ, на границѣ Венгрии съ Галиціей, полковой командиръ послалъ меня въ Рогатинъ—занять помѣщенія для полковаго штаба, осмотрѣть назначенныя нашему полку зимовья квартиры и доложить начальнику дивизіи въ Лембергъ: удобно ли будетъ размѣщеніе войскъ? найдется ли достаточное продовольствіе для нихъ? и пр.

Вотъ страницы моего дневника, относящіяся до этой поѣздки.

29-го августа 1849 г.—г. Стры, въ Галицію.

Порученіе, на меня возложенное, привело меня въ восторгъ. Товарищи завидуютъ. «Экій счастливецъ!» говорить. Теперь вольнымъ казакомъ гуляй нѣкоторое время по Галицію; располагай своимъ днемъ какъ вздумается; забудь на время труды походной жизни, ея однообразіе, служебныя заботы.... Время стоитъ прелестное. Предстоитъ настоящая прогулка!

До станціи Козіова я доѣхалъ верхомъ, а далѣе покатилъ на почтовыхъ. Правда, мнѣ дали какую-то крошечную крестьянскую тележку, на которой мы, съ унтеръ-офицеромъ, при мнѣ состоящимъ, едва успѣли; пара маленькихъ почтовыхъ влячъ едва бѣжала мелкою рысцою; на возлахъ подпрыгивалъ крестьянинъ въ коричневой свитѣѣ, съ единственнымъ отличіемъ его важнаго сана, почтаря—рожеккомъ, перекинутымъ черезъ плечо на шнурѣѣ австрійскихъ цѣтвовъ, желто-черномъ; но за то отъ Альзо-Верецке до самой станціи Школе, я былъ въ величайшемъ восторгѣ. Предо мною весь этотъ путь, на всякомъ шагу, вставали такіе картинные виды грандіозной карпатской природы, что я не только не понукалъ своего возницу, но, напротивъ, иногда останавливалъ его и подолгу всматривался въ окружающее. На этомъ переѣздѣ я совершилъ перевалъ черезъ гребень Карпатъ. Гора на горѣ. День совершенно ясный и облака не заволакиваютъ ни одной вершины. Роскошные лѣса вѣковаго бука, граба, ясени—окутали темными покровами мѣстами выдающіеся изъ нихъ пики, скалы и утесы, самыхъ прихотливыхъ, фантастическихъ формъ. Какъ бѣлая лента, вьется между этихъ громадъ узкая почтовая дорога, то пробираясь по берегу скачущаго по камнямъ потока, то удаляясь отъ него и всползая на высоты. Но можно ли рассказать картины, на всякомъ шагу здѣсь встрѣчавшіяся? Если и способна дать о нихъ нѣкоторое понятіе, то только кисть талантливаго художника, и то только «нѣкоторое». Надо видѣть эти картины собственными глазами, чтобы очароваться ими и не забыть ихъ никогда.

Но вотъ, лѣса рѣдѣютъ, мельчаютъ; голые утесы громоздятся одинъ на другой; мѣстами по нимъ разбѣгается кустарникъ. Мы совершили перевалъ. Начинаемъ спускаться, и опять лѣса и лѣса, но еще темнѣе, еще мрачнѣе только недавно нами повинутыхъ. То будто выбѣжали намъ на встрѣчу съ далекой родины, привѣтствовать наше возвращеніе, родины, сѣверныя ели. Онѣ, темными тучами, облегли все пространство, своимъ присутствіемъ дали другой тонъ картинѣ, дохнули на насъ другимъ воздухомъ.

Мы спускались быстро. Въ Школе перемѣнили лошадей. Отсюда до Стры холмистая карпатская подошва мало по малу перешла въ равнину. Дорога тянулась по берегу р. Стры. Населеніе густое. На всякомъ шагу попадаются деревни, но какъ отличны онѣ своимъ наружнымъ видомъ отъ венгерскихъ. Тамъ каждая деревня — городокъ. Тамъ что ни деревня — ландшафтъ. Здѣсь далеко уже не тотъ живописный характеръ поселеній. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ Карпатъ, тѣмъ больше и мѣстность и ея обитатели, со множествомъ жидовъ между ними, напоминаютъ нашу Подольскую губернію. Стры—областной городъ, довольно хорошо обстроенный и людный.

30-го августа, городъ Рогатинъ.

Заявилъ мѣстнымъ властямъ требованіе: объ указаніи мнѣ и очищеніи квартиръ для полковаго штаба и о снабженіи меня необходимыми статистическими данными. Власти встрѣтили меня, по видимому, очень привѣтливо и общали исполнить все мои требованія въ самомъ непродолжительномъ времени. Думаю: чтоже мнѣ тутъ дѣлать пока пройдетъ это непродолжительное время? Смотрѣть здѣсь нечего, городъ дрянной; знакомиться? но какъ, и съ кѣмъ? все встрѣчаютъ хотя и привѣтливо, но официально, и къ себѣ никто не зоветъ. Воспользуюсь свободнымъ днемъ, другимъ—покачу въ сосѣдній Галичъ, древ-

ній столичный городъ Червоной Руси. Задумано — сдѣлано. Опять почтовая пара,—опять ѣду по прекрасной, ровной дорогѣ, по богатой обработанными полями мѣстности, любясь безпрестанно попадающимися деревнями.

31-го августа, городъ Галичь.

Мой возница оказался галицкимъ жителемъ и хотя на мои разспросы, даже при видѣ живописныхъ развалинъ древняго галицкаго кремля на высотѣ холма, возвышающагося на крутомъ, правомъ берегу Днѣстра, холма, названнаго имъ «Галицкой горой», онъ мнѣ не могъ сообщить ничего интереснаго, что сохранилось бы въ народныхъ преданіяхъ о прошломъ этого города, кромѣ того, что Галичь встарину будто бы былъ такъ великъ, что съ высоты замковыхъ стѣнъ нельзя было окинуть взоромъ его предѣловъ, — но, по крайней мѣрѣ, онъ привезъ меня на квартиру къ почтенному старику, мѣстному старожилу, знавшему, по словамъ моего возницы, всю подноготную объ этомъ древнерусскомъ угодкѣ. Здѣсь я встрѣтилъ самый радушный приемъ. Мой почтенный хозяинъ—большой русской патріотъ. Любовь къ Россіи, по его словамъ, передается въ его семействѣ издревле, изъ рода въ родъ. Мы объяснялись съ нимъ на какомъ-то смѣшанномъ, полупольскомъ, полурусскомъ языкѣ и хорошо понимали другъ друга. Старикъ до сыта накормилъ меня, угостилъ венгерскимъ виномъ и пошелъ со мной бродить по городу и его окрестностямъ.

Галичь дрянной, жидовскій городишко въ долинѣ, образуемой впаденіемъ въ Днѣстръ рѣченоекъ Луковы и Ломницы.

Мой путеводитель указалъ мнѣ на церковь во имя Рождества Христова, имѣющую болѣе 800 лѣтъ, въ которой будто бы крестили и хоронили русскихъ князей; однакоже надгробій ихъ мнѣ указать не могъ, говоря, что они уничтожены во времена польскаго владычества.

Съ развалинъ древняго галицкаго замка, построеннаго на мѣстѣ еще болѣе древняго русскаго дѣтинца или кремля, предъ нами открылась великолѣпная картина излучистаго теченія Днѣстра, въ пологихъ берегахъ, испещренныхъ перелѣсками, озерами, рѣчками, пашнями, лугами, поселеніями и хуторами. Вотъ что разсказалъ мнѣ старикъ-хозяинъ. Днѣстръ не очень давно перемѣнилъ свое теченіе. Теперь онъ омываетъ холмъ, на которомъ рисуются развалины замка, а въ прежнія времена онъ пробѣгалъ верстахъ въ четырехъ отъ этой мѣстности.

По преданію, нѣкогда Галичь былъ огромный городъ, заключалъ въ себѣ до 400,000 жителей и обнималъ собою пространство, занимаемое нынѣ деревнями и селами: Бурштня, Богусевецъ, Влудивки, Тустанъ, Крыла.

Народъ доселѣ сохранилъ память о Батневомъ погромѣ Галича (въ 1240 году), въ смутныхъ эпизодическихъ разсказахъ и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ, также въ пѣсняхъ.

Разсказываютъ: татары разбили галичанъ въ двухъ битвахъ: во первыхъ—подъ городомъ и во вторыхъ—на мѣстности нынѣ существующей деревни Тенятинки, гдѣ будто бы загнали бѣгущихъ, искавшихъ спасенія, жителей въ тенета.

Въ селеніи Роздьяны доселѣ существуетъ фамилія Терпѣвцы. Говорятъ, фамилія эта сохранилась за потомками одного пострадавшаго при нашествіи Батия семейства. Когда городъ былъ взятъ татарами, мужъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми прибѣжали къ Днѣстру, чтобы спастись. Мужъ не умѣлъ

плавать и съ однимъ ребенкомъ остался на берегу, тогда какъ съ другимъ жена переплыла чрезъ рѣку и терпѣла (страдала), видя какъ ея молодого мужа и другого ребенка татары подняли на копыя.

Во время погрома бѣжалъ изъ города священникъ съ молодою женой и спрятался въ болотѣ. Несчастливая женщина родила въ этомъ убѣжищѣ и, чтобы ребенокъ крикомъ не привлекъ татаръ—утопила его. Урочище это доселѣ называется Тобола, т. е. «вотъ такъ боль! вотъ такъ страданіе! мука!»

Одно урочище называется: Мочи хвостъ. Рассказываютъ, что на этомъ мѣстѣ была такая свалка, что конскіе хвосты мочились въ кровавыхъ потокахъ.

Поле подъ Галичемъ носить имя Ржезьдолина, т. е. долина рѣзни.

Какъ странно устроенъ человекъ: гдѣ въ преданіяхъ жива память великихъ радостей народныхъ? Бывали же, вѣдь, таковыя! А память о бѣдствіяхъ, хотя бы и въ смутныхъ образахъ, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія переходить къ поколѣнію, и нѣтъ, кажется, живаго мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ мрачнаго памятника.

Тенерь, черезъ 30 лѣтъ, переписывая эти строки, какъ-то невольно вспоминается: а сколько въ эти годы, на нашихъ глазахъ, прибавилось таковыхъ же памятниковъ! Сколько новыхъ, страшныхъ именъ давалось въ послѣднее время и дается еще въ настоящія, быть можетъ, минуты разнымъ урочищамъ, напримѣръ, въ Македоніи!!!

Впрочемъ, прибавимъ себѣ въ утѣшеніе. Послѣднею весной, послѣднею осенью, мы были ближайшими свидѣтелями, какъ при вѣздѣ въ каждую деревню Софійской губерніи, въ Болгаріи, жители посадили по семи деревъ въ память счастливаго дня своего освобожденія.

«Пусть,—говорятъ болгаре,—наши внуки и правнуки приходятъ подъ тѣнь этихъ деревъ благословлять имя братьевъ—русскихъ!».....

26-го января 1879.

г. Самара.

П. В. Алабинъ.

Встрѣча съ повстанцами

10-го января 1863 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, въ «Запискахъ Н. В. Берга о польскомъ возстаніи, 1863—1864 гг.» (стр. 197) рассказано, что «банда Рогинскаго встрѣтила генерала Синельникова, вѣхавшаго въ Варшаву на перекладной, а потомъ какого-то жандармскаго офицера съ двумя жандармами; имъ бы не сдобровать, еслибъ не тяготѣло на душѣ Рогинскаго варварское, безмысленное преступленіе (убійство С. С. Черкасова). Онъ велѣлъ своимъ людямъ только отобрать у всѣхъ этихъ лицъ оружіе, а ихъ самихъ отпустить». При этомъ объяснено въ выносѣ: «собственныя показанія Рогинскаго».

Въ видахъ возстановленія истины этого происшествія, долгомъ считаю пояснить: я дѣйствительно проѣзжалъ по брестскому шоссе, 10-го января 1863 года, но не въ Варшаву, а изъ Варшавы въ Кіевъ, и не на перекладной, а въ дормезѣ, и какъ я везъ въ брестское комиссіонерство до 30-ти т.

казенныхъ денегъ, то сзади дормеза на перекладной ѣхали, въ видѣ конвоя, интендантскій чиновникъ и два жандарма.

Самое же происшествіе было такъ:

Послѣ тревожнаго дня и грустнаго разставанія съ сослуживцами, подвешенными мнѣ при выѣздѣ серебряное блюдо съ надписями и провожавшими меня двѣ станціи, я уснулъ въ дормезѣ и былъ разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ, съ остановкою экипажа, въ лѣсу, не доѣзжая четырехъ верстъ до станціи Загъсье. Я еще не успѣлъ освоиться съ своимъ положеніемъ, какъ чиновникъ и сидѣвшій сзади дормеза человекъ, отперъ двери, объявили, что на насъ напали разбойники; удавъ же чрезъ зажженные у дормеза фонари, что я окруженъ вооруженною бандою, я приказалъ имъ сѣсть на свои мѣста и, предавшись воли Божіей, ожидалъ послѣдствій.

Шумъ продолжался отъ того, что повстанцы отнимали у жандармовъ оружіе, и только что я вышелъ изъ дормеза, чтобы узнать въ чемъ дѣло, какъ услышалъ крикъ: «къ каретѣ!» Ко мнѣ подошелъ молодой человекъ съ револьверомъ въ рукѣ, спросивъ: «яка годность пана?» (кто вы). Я назвалъ бывшую мою должность генераль-интенданта и фамилію. Онъ отошелъ отъ меня нѣсколько шаговъ и послѣ совѣщанія, продолжавшагося весьма недолго, ко мнѣ подошелъ высокаго роста старикъ въ польскомъ костюмѣ, обвѣшанный оружіемъ, вѣроятно, предводитель шайки, и, предложивъ мнѣ сѣсть въ карету, объявилъ, что они никакой несприятности не сдѣлаютъ, и при томъ, желая считливой дороги и всякаго добра, велѣлъ назначить верховыхъ, для охраненія отъ покушеній отсталыхъ людей банды.

Не буду подробно объяснять, что было говорено въ бандѣ при отъѣздѣ моемъ, скажу только о выраженіи, яснѣе другихъ повторяемомъ: «намъ отъ пана ничего не нужно, пусть только Государь знаетъ, что мы хорошихъ русскихъ уважать умѣемъ».

Такъ, по милости Божіей, миновала опасность и сохранились казенныя деньги, сданныя въ цѣлости оберъ-провіантмейстеру въ присутствіи бывшаго брестскаго коменданта генерала Штадена.

Въ послѣдствіи, бывшіе въ арестантскихъ ротахъ, которыми я завѣдывалъ, политическіе преступники подтверждали причины, по которымъ меня пропустили благополучно, но все подробности объяснены въ моихъ Запискахъ, которыя будутъ изданы въ свое время.

С.-Петербургъ.

4-го марта 1879 года.

Н. П. Снегелъкинъ.

Л. Н. Бенуа.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, въ статьѣ «Очерки, рассказы и воспоминанія», въ главѣ VIII на стр. 78, приведенъ рассказъ грека Н. Н. о сношеніи его въ Таганрогѣ съ метръ д'отелемъ императора Александра I-го, и выставленъ поступокъ этого метръ д'отеля, не соглашавшагося принять—будто бы по незначительности суммы—счетъ грека Н. Н. въ 18 т. руб. за поставленные имъ въ теченіе мѣсяца принасы для высочайшаго стола, вслѣдствіе чего грекъ представилъ новый счетъ въ 84 т. руб. съ приложеніемъ 10 т. рублей, въ видѣ приношенія метръ д'отелю, который тогда только признавалъ счетъ правильнымъ.

Передавая этотъ разсказъ, авторъ «Очерковъ» относительно метръ д'отеля оговариваетъ въ скобкахъ, что это былъ «кажется—Бенуа», не обозначая, впрочемъ, имени и отчества.

Это неосторожное обращеніе съ чужимъ именемъ налагаетъ на меня обязанность разъяснить перѣшительное «кажется».

Покойный отецъ мой, Леонтій Николаевичъ Бенуа, дѣйствительно занималъ должность метръ д'отеля при дворѣ, и другаго Бенуа, метръ д'отеля, не было; но дѣло въ томъ, что Л. Н. Бенуа былъ метръ д'отелемъ покойной императрицы Маріи Феодоровны, а не императора Александра I-го, и умеръ въ январѣ 1822 года, пребываніе же императора Александра I-го въ Таганрогѣ относится къ 1825 году; такимъ образомъ, упоминаніе составителемъ очерковъ, хотя и въ видѣ догадки, имени моего отца совершенно ошибочно.

Н. Л. Бенуа.

Клятва дворянина-старообрядца Воропанова

1769 г.

Читатели «Русской Старины» безъ сомнѣнія помнятъ весьма замѣчательныя по юмору, мастерству изложенія и интересу содержанія, записки Добрынина: «Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина», напечатанныя въ нашемъ изданіи въ 1871 году (томы III и IV). Въ этихъ запискахъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, являются архимандритъ въ Рыльскѣ въ 1769 году Іакинфъ Карпинскій и дворянинъ, старовѣръ, Воропановъ. «Рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, повѣствуетъ Добрынинъ,—былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Циперономъ. Его сочиненія, есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малорослъ и тонокъ, чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, а иногда чрезмѣрно скромненъ, иногда же чрезмѣрно веселъ, говорливъ и забавенъ. Всѣ архіереи его времяе, знали и почитали его за ученость, но не любили его за самолюбіе. Многие были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т. е. Якубовскій и Флѣоринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ, но,—какъ я слыжалъ отъ преосвященнаго Флѣоринскаго,—одинъ изъ синодальныхъ членовъ на сей случай сказалъ: «онъ ио натурѣ пигмей и думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереємъ, но всю ризницу по своему росту перепортитъ», и, между тѣмъ, какъ великаны пересуживали пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, т. е. изъ Сѣвскаго-Спасскаго,—что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рыльскій, Николаевскій; изъ Рыльскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлоозерскій-Кирилловскій, Карпинскій дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, не получа архіерейства, по причинѣ, что былъ малаго роста и высокаго ума.»

Въ 1769 году архимандриту Карпинскому, по распоряженію Сѣвскаго епископа Кирилла Флѣоринскаго, довелось въ Рыльскѣ обращать въ православіе одного изъ старовѣровъ: то былъ дворянинъ Воропановъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ подвижникѣ раскола Добрынинъ въ своемъ «Истинномъ повѣствованіи». «Въ Рыльскѣ преосвященный Кириллъ Флѣоринскій го-

ворилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный столь ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анафемѣ предать» всѣ старообрядческіе толки; и раскольникамъ не повровительствовать. Кунцы выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь и угостія его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей напоследокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ, по силѣ древней пословицы: «волось глупъ, онъ вездѣ растетъ», то и у Воропанова борода послѣ выѣзда архіерейскаго выросла по прежнему, не меньше архіерейской».

Результатомъ «наступленія» архіерея Фіоринскаго на Воропанова было не только обрѣзаніе его бороды, но и клятва, отобранная отъ старовѣра, въ томъ, что онъ отрывается отъ раскола. Это отреченіе было написано Фіоринскимъ или архимандритомъ Карпинскимъ, по крайней мѣрѣ послѣдній приводилъ Воропанова къ присягѣ. Вотъ этотъ интересный документъ:

— «Азъ, нижеименованный, общаюся и кланусь Всемогущимъ Богомъ и предъ Святимъ его Евангеліемъ, что отъ нынѣ и до конца моей жизни соединеніе вѣры, догматы и преданія всѣ гдѣ къ Россійскія Православныя Церкви съ должною горячностію наблюдать, и ихъ, по разуму Святыя Церкви, разумѣть со всякимъ моимъ усердіемъ стараться буду, и никогда противнаго Святой Церквѣ ничего не точию дѣломъ, но и мыслями имѣть не стану; вся же противная мудрованія еретиковъ, раскольниковъ, проклинать, и самихъ ересеначальниковъ и учителей расколу, яко то: Мартинъ Минха, растрыгу Аввакума съ его евангеліемъ вѣчнымъ и погибеднымъ, всѣхъ ихъ послѣдователей, равно какъ и все злокозвенное и душевредное ученіе и сѣти, хлыстовщину, поповщину, безпоповщину, дяконовщину, возмновщину, сирочіоновщину, оуфрѣвщину, стефановщину, чувственниковъ, суботниковъ, подреметниковъ, рогожниковъ, и всѣ пречія богопротивныя и удаляющія отъ Церкви Христовой сонмища и сборища, проклинаю и анафемѣ предаю вѣчно, общаюся подъ клятвою паки никогда не точию въ домѣ моемъ учителей раскольниковыхъ не принимать, но и вгдѣ съ ними обращенія не имѣть, и къ развратному ихъ ученію не внимать и не слушать, и отъ заблужденія такового какъ себя съ домашними моими и крестьянъ моихъ хранить всячески и отводить долженъ. И буде гдѣ увѣдаю о кроющихся учителей раскольниковыхъ, то о томъ не точию гдѣ подлежаще донести, но искоренять ихъ, какъ мятежниковъ вѣры и общаго Церкви покоя нарушителей, общаюся по чистой совѣсти Христіанской; ежели-же какову потачку или укрывательство сдѣлаю раскольникамъ, или самъ впродъ ложнаго и баснословнаго ученія ихъ держатся стану и впадшихъ въ таковыя заблужденія отводить отъ того всякими мѣрами не буду и клятву мою сію въ чемъ либо нарушу, то самъ Богъ свидѣтель моя совѣсти въ сей день да будетъ мнѣ судья и отмститель грозный, и вѣчныя милости его, какъ во временной, такъ и въ вѣчной жизни, да буду чуждъ. Во всемъ семъ намѣреніи и общаніи моемъ цѣлую слова и крестъ Спасителя. Аминь. По сей присягѣ Николай Семеновъ сынъ Воропановъ присягалъ и подписался.

«Приводилъ къ присягѣ Рылъскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Іоакимъ Карпинскій». Сообщ. изъ Рылъска Н. Н. Правнвовъ.

Повало-Швѣйковскій

сподвижникъ Михельсона, въ 1773—1774 гг.

Николай Захаровичъ Повало-Швѣйковскій, мой родной дѣдъ по отцу, принималъ самое дѣятельное участіе въ поимкѣ Пугачева, за что и получилъ, какъ это видно изъ указа сената отъ 28-го января 1775 г., имѣніе въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, въ количествѣ 7 тыс. десятинъ и около 450 душъ, чинъ секундъ-маіора и 5-ть золотыхъ лично отъ государыни императрицы Екатерины на орѣхи, чѣмъ онъ болѣе дорожилъ противъ другихъ награды. Дѣда своего я помню, потому что онъ умеръ когда мнѣ было 9 лѣтъ и самъ слышалъ отъ него изустно какъ онъ, будучи капитаномъ гвардіи и считаясь расторопнымъ офицеромъ, былъ назначенъ полковымъ командиромъ въ опасную командировку, по нѣкоторой къ нему ненависти, кажется по ревности. (Дѣдъ мой былъ весьма статный офицеръ и высокаго роста). Я его часто видѣлъ въ его зеленомъ Екатерининскомъ, съ разрѣзомъ на груди, мундирѣ. Посланъ онъ былъ въ самый станъ Пугачева для развѣданія позиціи и для присканія способа захватить Пугачева врасплохъ. Команду для охраненія офицера, ему не дано, тогда дѣдъ мой переодѣлся конюхомъ и нанялся у Пугачева въ услуженіе; прожилъ тамъ нѣсколько дней, многое узналъ и подмѣтилъ, но когда приближенные Пугачева, начали въ немъ сомнѣваться и подозрѣвать, то онъ ночью убѣжалъ; за нимъ послѣдовала самая отчаянная погоня, такъ что единственное спасеніе оставалось броситься въ ближайшее большое озеро. Въ этомъ озерѣ его караулили около 3 дней; стрѣляли въ него, ловили сѣтями, но онъ такъ хорошо нырялъ, что какъ скоро направлялись въ одну сторону озера, онъ очутился въ противоположной. Крѣпостной его человѣкъ съ большими предосторожностями кормилъ его въ водѣ; человѣка этого звали Иванъ и онъ пережилъ своего барина нѣсколькими годами, ему было около 100 лѣтъ, а дѣдъ мой прожилъ до 120 лѣтъ, т. е. долго еще жилъ, послѣ сидѣнія въ водѣ. Отъ долгаго сидѣнія въ водѣ, онъ былъ долго болѣвъ... Умеръ онъ въ 1842 году 31-го октября въ своемъ имѣніи Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ с. Моревѣ, гдѣ постоянно жилъ вышедши въ отставку, вскорѣ послѣ поимки Пугачева. Въ жалованномъ имѣніи онъ не жилъ, но нерѣдко посѣщали его. Имѣніе это находится въ моемъ владѣніи, по наслѣдству отъ отца; дѣдъ мой похороненъ 7-го ноября того же года въ с. Ратчинѣ при большой каменной церкви Божіей матери Одигитріи, въ семейной часовнѣ. Церковь же самъ достроилъ, и при жизни она освящена. Сторожили и по сіе время зовутъ его и стрѣбителямъ Пугачева. Многочисленная его вотчина, безъ всякаго поужденія со стороны наслѣдника и близкихъ, которые были въ отлучкѣ, съ поразительнымъ единодушіемъ, всѣ до единого человѣка, собрались для похоронъ любимаго своего владѣльца и буквально на головахъ несли 3 версты гробъ. Дѣдъ мой былъ чрезвычайно добрый человѣкъ и владѣлецъ. Нѣкоторые свѣдѣнія о дѣдѣ моемъ, тогда канитанѣ гвардіи Повало-Швѣйковскомъ, есть въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», А. С. Пушкина.

Витебскъ.

Сообщ. въ 1876 г. П. Т. Повало-Швѣйковскій.